

Глава 6

Муж

Чжао-гэр был человеком дела и не привык сидеть сложа руки, а вот Фан Цзычэнь после недолгого разговора притих, словно пришибленный каким-то неожиданным ударом.

Зайдя на кухню, гэр достал старую, выдавшую виды корзину для сбора трав, позвал сына и собрался на выход. Цзычэнь тут же подскочил, отряхнул штаны и пристроился следом.

— Вы куда это? Возьмите и меня с собой.

— За дикой зеленью, — ответил Чжао-гэр.

Юноша невольно поморщился. Идти за травой совсем не хотелось — на вкус она была, мягко говоря, посредственной. Супруг, заметив его кислую мину, решил, что тот передумал, и мягко добавил:

— Мы с Гуай-цзаем сами справимся. На улице жара, лучше отдохни дома.

Фан Цзычэнь лишь покачал головой. Припасов в доме — кот наплакал, в карманах — ни единого гроша. В таком положении впору было на колени падать да благодарить небеса, что не заставляют землю грызть, а не привередничать. Он давно перестал быть тем изнеженным богачом, который считал верхом экономии слизывать остатки йогурта с крышечки.

Мест, где в деревне можно было разжиться съедобной зеленью, было немного: подножие горы, межи между полями да берега небольшого ручья. Именно к воде Чжао-гэр его и привёл. Здесь густо рос дикий сельдерей — очень нежный и, что важно, почти не горчивший после варки. Гэр надеялся, что такая пища Цзычэню придётся по вкусу.

Он всё не мог понять, в каких условиях этот человек жил раньше, если простая миска каши с травами вызывала у него такие муки: беднягу мутило и тошнило, и даже маленький Гуай-цзай ел охотнее него.

Сам же «герой», неспособный отличить лебеду от сельдерея, посидел немного у воды, а потом принялся рассеянно озираться по сторонам в поисках хоть какого-то развлечения.

— Гуай-цзай! — Фан Цзычэнь, припав к самой траве, заговорщицки поманил мальчика рукой, будто накрыв ладонью некое сокровище.

Малыш, сжимая в кулачке пучок сельдерея, со всех ног припустил к нему.

— ...Отец?

Цзычэнь предпочёл пропустить это обращение мимо ушей и зашептал:

— Иди сюда, сейчас я тебе кое-что покажу.

— А сто это? — глазёнки мальчика любопытно заблестели.

Фан Цзычэнь слегка разжал пальцы, оставив узкую щёлку.

— Смотри.

Гуай-цзай восхищённо ахнул:

— Ого! Это зяба! Квакуска!

— Ага, — юноша ловко подцепил лягушку за одну лапку и легонько качнул в воздухе. — Сейчас найдём какую-нибудь верёвочку, привяжем и заберёшь домой, будешь играть.

Ребёнок, приученный к вежливости, расплылся в улыбке и, задрав голову, искренне поблагодарил:

— Спасибо, отец.

На берегу как раз росла крепкая лоза. Цзычэнь отщипнул гибкий прутик, чтобы соорудить поводок, как вдруг услышал, что кто-то его окликает. Это был Хэ Си.

— Ты ко мне? — удивился Фан Цзычэнь. — Что-то случилось?

— Да нет, просто слышал, что утром к тебе банда Ма завалилась. Решил проведать, как ты, — пояснил Хэ Си. С утра он был занят заготовкой дров и узнал о случившемся только в полдень. Сначала приятель заглянул в старый дом, а не найдя там Цзычэня, пришёл к ручью.

— Да что на меня смотреть.

Цзычэнь присел на корточки у воды и принялся лениво водить травинкой по глади ручья, пуская круги.

— Так ведь в деревне только об этом и толкуют! — Хэ Си присел рядом, оживлённо жестикулируя. — Сказывают, ты этих Ма так отделал... Гляди, Ма Дачжуан ведь детина вон какой здоровый, а говорят, ты его с одного удара уложил. Неужто правда?

В деревне секретов не водилось. Любое мало-мальски значимое событие тут же обрастало подробностями и разлеталось по округе быстрее ветра, заглядывая в каждый закуток. И старый, и малый — у кого только были уши — уже знали об утренней потасовке. Конечно, пройдя через десятки уст, история могла слегка исказиться, но суть собеседник уловил верно.

Цзычэнь кивнул:

— Ну, было дело. Один раз приложил — и твой Ма Дачжуан больше не поднялся. Хлюпик, что с него взять.

Хэ Си тоже сорвал травинку и устроился поудобнее:

— Он? Хлюпик? Да он же в два раза тебя шире!

— Пф-ф, — Цзычэнь презрительно скривился. — С виду гора, а внутри — труха. Красивая обёртка, да пусто внутри.

— И всё равно ты силён, — с уважением произнёс парень. — Высокий, вроде жилистый, а не думал я, что в тебе такая мощь. Втроём на тебя попёрли, а ты их за пару мгновений раскидал. У нас в деревне их все за версту обходят, боятся кулаков, а ты... Ты и впрямь крут.

Цзычэнь небрежно отмахнулся:

— Да ладно тебе, ничего особенного.

Собеседник был из тех людей, что сходятся с другими мгновенно. Ему казалось, что после одной совместной ночёвки они с Фаном уже стали едва ли не братьями по крови, поэтому он с любопытством спросил:

— А правда, что ты в тринадцать лет с огромным мечом на людей ходил? Неужели совсем страха не знал?

Деревенские были народом смирным. Если и случалась грызня, то всё заканчивалось парой затрещин да кувырканьем в пыли. О том, чтобы пустить в ход холодное оружие, никто и помыслить не смел.

Чжао-гэр, собиравший зелень неподалёку, невольно наострил уши и замедлил движения. Утренняя сцена до сих пор стояла у него перед глазами. Фан Цзычэнь производил впечатление человека мягкого, рассудительного — из тех, кто предпочтёт договориться, а не лезть в драку. Но в гневе он оказался страшен. Ма Дачжуан с братьями получили всего по паре ударов, а выглядели так, будто по ним стадо волов пробежало. И ведь он даже глазом не моргнул, когда ломал руку Ма Эрчжу.

Малыш тоже слушал с открытым ртом. После того как Цзычэнь поймал ему лягушку, страх перед «отцом» улетучился, и теперь мальчик сидел рядом, бережно сжимая в руках свой трофей.

Цзычэнь спокойно посмотрел на Хэ Си:

— Ты что, дурак? Неужто веришь всему, что слышишь? Даже если бы я и вздумал за кем-то с мечом бегать, стал бы я соваться на чужую территорию, где врагов тьма? Я что, похож на самоубийцу?

— Значит, ты всё это выдумал? — парень разочарованно моргнул. — А я-то уж решил, что ты и впрямь настоящий головорез.

— Людей я не резал, — уточнил Цзычэнь. — Но драться — дрался. Как раз в тринадцать.

— Расскажи!

— Возвращался я как-то после школы, — начал Фан, слегка приукрашивая действительность, — и тут дорогу мне преградили четверо. Каждый — вылитый Ма Дачжуан: руки как брёвна, грудь колесом. Увидели, что меня на машине возят, решили, что денег куры не клюют. Потребовали «на пропитание». Мне делиться не захотелось, ну и завертелось...

— И что дальше? — выдохнул Хэ Си.

Цзычэнь посмотрел на блики солнца, играющие на воде:

— Отправил я их всех в лечебницу. А на мне — ни царапины.

— В больницу? — переспросил собеседник, не сразу поняв современный термин.

— Ну, к лекарю, — поправился Цзычэнь. — Полмесяца там пролежали, пока в себя пришли. С тех пор, стоило им меня завидеть, удирали быстрее побитых псов.

— И ты так сильно их отделал? Матушка небось задала тебе трёпку? — спросил Хэ Си. Раз люди в лечебницу попали на такой срок, дело было серьёзное, да и серебра на откуп наверняка

ушло немерено. Он представил себя на месте Фана: если бы он кого до лекаря довёл... мать бы его на балке подвесила и лупила до полусмерти.

— С чего бы ей меня ругать? — Цзычэнь удивлённо вскинул брови. — Наоборот, похвалила. Сказала, что вымогатели — это мусор, и поделом им. Велела в следующий раз бить ещё крепче.

Чжао-гэр лишь молча продолжал работу. Хэ Си тоже не нашёлся что сказать.

— М-да... Должно быть, семья у тебя очень богатая.

Цзычэнь посмотрел на него как на неразумное дитя:

— А ты думаешь, будь мы бедняками, моя мать стала бы так говорить?

Хэ Си промолчал. Его отец был прав: этот человек, прежде чем волею судеб оказаться в их глуши, явно был молодым господином из весьма влиятельного дома.

Поболтав ещё немного, приятель ушёл. Дел у него было невпроворот, не то что у Фан Цзычэня, который был свободен как ветер.

Когда они возвращались, Фан заметил у ворот своего двора двух человек — взрослого и ребёнка. Он сразу узнал того гэра, что утром пытался заступиться за Чжао.

Увидев Чжоу-гэра, Чжао-гэр заметно расслабился. Рядом с Фаном он всегда чувствовал себя скованно: неловкость, робость и необъяснимое чувство неполноценности мешали ему, но при этом он ловил каждое слово и жест своего «мужа», не в силах отвести взгляд.

Чжао-гэр подбежал к другу:

— Чжоу-Чжоу, ты пришёл! И Лю-лю с тобой!

Маленький Лю-лю, задрал голову, вежливо поздоровался.

— Принёс вам кое-что из еды, — Чжоу-гэр протянул корзину. — Только что с поля, я...

Заметив подошедшего Цзычэня с Гуай-цаем, Чжоу-гэр прикусил язык и замолчал.

Чжао-гэр опустил голову, принявшись по привычке тереть край рубахи. Через мгновение он решился и представил друга:

— Муж, это Чжоу-гэр, мой лучший друг.

Цзычэнь: «...»

Это внезапное «муж» застало Фана врасплох, заставив его буквально остолбенеть. Ноги будто приросли к земле, а в голове что-то щёлкнуло. Его обдало волной смущения, смешанного с чувством какой-то нелепой, абсурдной нереальности происходящего.

Сегодня Чжао-гэр говорил с ним много, но впервые назвал его «мужем». Цзычэнь-то по наивности думал, что просто помогает человеку, приютил его как брата... Но у Чжао-гэра, очевидно, были совсем другие мысли на этот счёт.

Юноша оказался к этому совершенно не готов.

— Ты... — он встретился с ним взглядом.

Через десять секунд Фан Цзычэнь первым отвёл глаза. Он хотел было сказать: «Не называй меня так», но увидев чистый, сияющий и полный затаённого страха взгляд гэра, не смог выдать ни слова. В глазах односельчан Чжао-гэр был его законным фуланом, и в обращении не было ничего неправильного. Если бы он сейчас, при свидетелях, заявил: «Я тебе не муж», Чжао-гэру было бы не отмыться от позора.

— Муж? — Чжао-гэр снова позвал его, на этот раз тише. Голос его звучал мягко, почти просительно.

Цзычэнь промолчал, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. Ему казалось, что под этим перекрёстным огнём его уши начинают предательски пылать.

«Чёрт возьми... — выругался он про себя. — Ну и ситуация»

— Вы болтайте, — буркнул Цзычэнь глухим голосом. — Я пойду в дом.

Стоило ему скрыться, как Чжоу-гэр облегчённо выдохнул. Красота Фан Цзычэня была яркой, почти вызывающей, и по идее должна была радовать глаз. Но когда он не улыбался, его взгляд становился тяжёлым, властным, невольно пугая незнакомых людей.

Прошёл всего день, и выводов делать не стоило, но Чжоу-гэр всё же не удержался:

— Он... хорошо к вам относится?

— Да, — ответил Чжао-гэр. — Он нас накормил, ни разу не прикрикнул ни на меня, ни на Гуай-

цзая. А только что поймал сыну лягушку.

На его губах заиграла слабая улыбка. Чжоу-гэр на миг замер — он уже и забыл, когда в последний раз видел друга таким одухотворённым. Маленький Гуай-цзай бережно сложил ладошки ковшиком. Лю-лю подошёл поближе:

— Там правда квакуска?

— Ага, — мальчик приоткрыл щёлку между пальцами.

Зелёный толстый лягушонок сидел на ладони, раздувая бока и время от времени издавая негромкое «ква».

Лю-лю округлил глаза:

— Папа, смотри, настоящая!

Фан Цзычэнь растянулся на кровати, но вскоре снаружи послышались голоса. Дворик был крошечным, и он отчётливо слышал, как Чжао-гэр велел сыну играть с Лю-лю и не убегать, а затем под окном раздались восторженные вскрики.

Сперва Цзычэнь не обращал внимания, но постепенно разговор детей стал казаться ему странным. Гуай-цзай и Лю-лю сидели у стены. Лягушка с привязанной лапкой сидела неподвижно в щели между камнями. Стоило потянуть за прутик — она прыгала. Для детей это было сродни чуду.

— Ой, она шевелится!..

— Смотри, у неё два глаза!

— Ага! И две ноги!

— Смотри-смотри, она прыгает!..

Цзычэнь не выдержал и высунулся в окно:

— Вы что, лягушек никогда не видели?

Мальчик встал и серьёзно покачал головой:

— Нет, отец, не видел.

Лю-лю, который был посмелее, подтвердил:

— И я не видел.

Фан Цзычэнь лишился дара речи.

— Вы что, правда деревенские дети? — он посмотрел на Лю-лю, вскинув бровь. — Тебя как зовут?

— Лю-лю.

Чжао-гэр, услышав голос Цзычэня, подошёл к дверям кухни. Фан Цзычэнь, наполовину высунувшись из окна, вдруг озорно усмехнулся:

— Значит, Лю-лю? А младшего брата Да-да случайно нет?

Чжао-гэр лишь молча перевёл на него взгляд.

— Нет у меня брата, — мотнул головой Лю-лю.

Цзычэнь рассмеялся и забрал у сына лозу. Он поднял лягушку в воздух, и бедное земноводное отчаянно засучило всеми четырьмя лапами.

— Ну-ка, глядите в оба. Считайте хорошенько: сколько у неё ног?

Дети подошли вплотную. Как ни считали, выходило две.

— Дядя, — сказал Лю-лю, — у квакуски две ноги.

— А это тогда что? — Цзычэнь ткнул в передние лапки, которые были заметно меньше. — Это, по-вашему, не ноги?

Гуай-цзай уверенно мотнул головой:

— Нет, отец. Это у квакуски ручки!

Цзычэнь замер.

— И кто тебе сказал, что это руки?

Малыш замолчал. Никто ему этого не говорил, он просто так считал. У людей — две руки и две ноги, значит, и у лягушки так же.

Фан Цзычэнь хлопнул себя по лбу и случайно заметил, как Чжао-гэр в дверях едва сдерживает смех. Улыбка была почти незаметной, но Цзычэнь готов был поклясться, что тот потешается над ним.

— Тебе смешно? — притворно возмутился он. — Глянь, что твой сын несёт! Иди скорее, спасай положение!

<http://bllate.org/book/15357/1413455>